

Цзюнь лин-сы поднялся на ноги, все генералы также последовали примеру мужчины, после чего поклонились ему.

Толпа, наперебой обсуждая с товарищами тему заседания, покинула зал, но перед тем, как это сделать, все искоса посмотрели на самовосхваляющегося без всякой меры князя.

Цан Янь, похоже, хотевший о чём-то поговорить с Цзюнь лин-сы, последовал за генералом к выходу.

Фэн Мин, стоя посередине главного зала, раскаивался, что без раздумья бахвалился. Так почему у него было ощущение, будто он выдал себя с головой не по прошествии трёх месяцев, а всего за один?

Внезапно кто-то пальцем ткнул князя в плечо, юноша, обернувшись, увидел очаровательное, но ни капли не женственное лицо, которое должно было быть у молодой девушки в сезон цветения [1].

— Тринадцатая военная дивизия в настоящий момент тренируется на лугу за склоном горы императорского дворца, каждодневные учения начинаются с трёх утра. Князю Мину стоит помнить, завтра надо подняться пораньше.

— С трёх утра? — Фэн Мин вытаращился, почти рыдая.

— Будучи военнотружущим, можно ли лениться? В три утра делаем перекличку, и, невзирая на то, воин это или полководец, опоздавший получит двадцать ударов плетью, — с презрительным холодом фыркнула Цзюнь Тин и, приподняв висевший на двери ковёр, вышла из зала.

Эта девушка из семьи Цзюнь выглядела такой же устрашающей, как и её отец, которого лучше не злить.

На второй день, когда ещё было темно, Фэн Мина тотчас же разбудили служанки.

— Присланный человек тринадцатого помощника полководца уже прибыл, князю Мину следует поторопиться.

Зимой, когда холодный ветер пронизывал до костей, жалко было вылезать из-под тёплого ватного одеяла. Фэн Мин сетовал на свою горькую участь, ведь с тех пор, как он попал в эту эпоху, мало кто осмеливался беспокоить его крепкий сон. Ведь Жун Тянь, отправляясь решать важные государственные дела, неслышно вставал с постели, позволяя ему, князю, наслаждаться сладким сном.

Цзюнь Тин прислала к юноше вовсе не одного своего человека, а двенадцать рослых солдат, каждый из них был бодр и полон боевого духа в сравнении с Фэн Мином, у которого от

недосыпа появились чёрные круги под глазами.

— Старший помощник полководца уже отправился на учебное поле боя, просим князя Мина тотчас же отправляться. — Неизвестно, носил ли стоящий во главе мужчины фамилию Цзюнь, однако между его строк и слов проскальзывал пронзительно холод, что был присущ семейству Цзюнь. Оценочно посмотрев на крепко укутанного в величественный плащ князя, солдат хмуро проговорил: — Генералу, отвечающему за обучение, необходима одежда командующего, к счастью, у старшего помощника полководца уже всё наготове. Князь Мин сейчас без официальной воинской должности. Прошу сначала надеть форму военного командира. — Как только мужчина поднял руку, стоящий сзади офицер, пришедший с ним, тотчас же подал аккуратно сложенный комплект военной формы.

На что Фэн Мин вытаращил глаза:

— А можно ходить без военной формы?

— Нельзя. Тот, кто нарушит правила, касающиеся воинской одежды, получит двадцать ударов плетью.

— Хорошо-хорошо, я переоденусь в эти вещи, однако нижнее бельё я не намерен менять. — Кто среди зимы возьмёт и снимет согретую, мягкую шёлковую одежду, поменяв её на грубую хлопчатобумажную ткань?

— Нельзя, военное правило гласит: без роскоши и расточительства. Необходимо полностью облачаться в военную форму. Тот, кто проигнорирует это правило, получит двадцать ударов плетью.

— О Небеса, у вас нацистские войска? — обессиленно добавил Фэн Мин. — Ну хотя бы эта накидка...

— На этом плаще вышита метка помощника полководца. — Мужчина указал на вещь, что была приложена к униформе и которая казалась совершенно не тёплой.

Цзюнь Тин наверняка выбрала самого хладнокровного и безжалостного парня в армии.

Встретившись с жалким и почти глупым взглядом Фэн Мина, рослый мужчина проявил нетерпение:

— Князь Мин, прошу, не стоит медлить, если опоздаем, то, согласно дисциплинарному порядку, получим...

— Двадцать ударов плетью, я понял, — вторил ему Фэн Мин.

По-видимому, Цзюнь Тин и впрямь очень хотела один разок отстегать этого князя Мина кнутом, чтобы спустить гнев за отца. А юноша, конечно же, не предоставит ей такого шанса.

Ничего не поделаешь, ведь человек не может не склонить голову под карнизом [2]. Несмотря на своё, казалось бы, высокое положение и опеку Лу Даня, Фэн Мин посмел признать, что если хоть как-то оступится в армии тринадцатого помощника, то обязательно любой согласится его избить, к тому же станет хлопать в ладоши от радости. Даже если потом Лу Дань впадёт в ярость, то ему, князю, уже вкусившему немало горя, это навряд ли поможет.

Оценивая дальнейшие результаты, Фэн Мин решил придерживаться истине, которая гласила: нетерпимость к пустякам может испортить большое дело. И под свирепые взгляды рослых солдат, которые, казалось, могли в любой момент дать волю рукам, Фэн Мин послушно вернулся в комнату, чтобы сменить великолепную и хорошо сохраняющую тепло дворцовую одежду на жёсткую и колючую военную форму.

В холодную стужу семенящей походкой и терпя мучения, почти через час юноша наконец-то добрался до луга, который располагался позади императорского дворца. Большая часть травы уже давно засохла, а на самой земле просторного луга не было даже кусочка снега, казалось, солдаты убрали всё дочиста.

Когда князь прибыл на место, он уже слышал крики тренирующихся солдат. Небо было серым и пасмурным, а солнце всё ещё не взошло — идеальное время, чтобы хорошенько поспать.

Фэн Мин вздохнул, оплакивая свой долгий и крепкий сон.

Цзюнь Тин взяла с собой несколько солдат, подъехала к князю и сдержала коня, натянув поводья:

— Князь Мин прибыл с опозданием. В тринадцатой армии генералов, нарушивших воинскую дисциплину, наказывают также, как и рядовых бойцов. Учитывая, что сегодня это первый проступок князя Мина, к тому же князь Мин дорогой гость, которому государь позволил участвовать в военном совете, то двадцать ударов плетью пока держу в уме. Завтра я не смогу снова направить к Вам людей, и если завтра князь Мин опоздает, к сегодняшним двадцати ударам добавятся ещё двадцать, итого сорок ударов плетью. Князю Мину необходимо быть осторожнее, потом не нужно удивляться, что я безжалостна.

Спозаранку столкнувшись с выговором, Фэн Мин разгневался, однако нельзя было выказывать своё недовольство, и, хлопая ресницами, князь уклончиво ответил:

— Тринадцатый помощник полководца куда-то хочет уйти?

— Конечно же пойду смотреть, как идут тренировки. Прошу князя Мина пойти вместе со мной, как раз все послушают систему обучения князя Мина. — И Цзюнь Тин приказала стоящему сзади телохранителю: — Подайте князю Мину коня.

Находившийся позади солдат тотчас же спешился и передал поводья Фэн Мину, а сам поехал вместе с товарищем. Князь, приняв поводья, повернулся и оседлал коня, однако стоило ему сесть в седло, неизвестно по какой причине величественный ретивый конь неожиданно заржал и, вскинув передние копыта, встал на дыбы.

Цзюнь Тин испуганно крикнула:

— Князь Мин, осторожнее!

Жун Тянь лично учил Фэн Мина верховой езде, сам же князь уже не являлся новичком, как это было раньше, и, сейчас почувствовав нечто странное, юноша ухватил поводья, плавно выпрямился и, используя положение лошади, повернулся, спрыгивая с седла, удобно, аккуратно и в то же время грациозно. Перевернувшись на спину, князь внезапно обнаружил над головой копыта лошади, а до слуха донёсся крик Цзюнь Тин: «Осторожнее!»

Князь резко перекатился, уклоняясь от копыт коня, которые вполне могли раздавить внутренности, к тому же юноша почувствовал, как тело покрывается холодным потом.

Телохранители, что были там, уже приблизились, успокаивая ретивого.

Фэн Мин, поднявшись с земли, ударил себя по груди:

— Пронесло, премного благодарен тринадцатому помощнику полководца за предупреждение.

Даже Цзюнь Тин слегка удивилась ловкости Фэн Мина и, кивнув, проговорила:

— Главное, что с князем Мином всё в порядке, отец строго наказал мне: тщательно охранять безопасность князя Мина. А в первый день тотчас же случился такой инцидент. — В одно мгновение проскользнула шелковинка сомнения, и, повернувшись к стоящим сзади телохранителям, девушка сказала: — Можете идти.

Цзюнь Тин, спешившись, обошла только что взбесившегося коня, внезапно сильно нахмутив изящные брови, девушка запустила руку между седлом и шкурой животного, тщательно ища что-то долгое время, и, похоже, отыскав, вытащила, сжав это в руке.

Девушка медленно раскрыла ладонь: там оказался удивительно острый камень, на котором уже смутно виднелись следы крови. Когда Фэн Мин неудачно сел на коня, давление на седло увеличилось настолько, что укололо лошадь и бедное животное внезапно взбесилось.

Посмотрев на телохранителей, Цзюнь Тин разгневалась и закричала:

— Что это такое?

Несколько телохранителей, опустив головы, не сказали ни слова, но один свирепо уставился на Фэн Мина, на самом деле это был тот, кто уступил коня князю.

— Тайно подложив всаднику под седло камень — разве так поступают воины? Абсурд! — Цзюнь Тин свирепо бросила камень на землю и немедленно позвала ответственного за наказания сержанта: — Цзюнь Сяо получит сорок плетей, остальные — двадцать. Немедленно выполняйте.

Наказание тотчас же привели в исполнение, и не нужно было ходить в специально отведённые для этого места. Солдаты принесли измазанную тёмными следами крови плеть и, приказав всем телохранителям опуститься на колени, подвергли пыткам.

Телохранители, ничуть не боясь, сняли военную форму и, обнажив отточенные спины, стали ждать, когда плеть коснётся кожи.

Сам князь, страшась такой ситуации, напрягся сильнее, чем телохранители, и обратился к Цзюнь Тин:

— Тринадцатый помощник полководца, я правда в порядке...

— Просите пощады для наказанного — становитесь соучастником, который будет страдать так же. Князю Мину лучше хорошенько подумать и только тогда открывать рот, — Цзюнь Тин безразлично посмотрела на Фэн Мина.

«Это нормально?» — юноша, вытаращив глаза, открыл рот и, что-то нечленораздельно пробормотав, проглотил все слова, что хотел сказать.

Самого первого, кто подвергся побоям, звали Цзюнь Сяо, камень явно он тайком и подложил под седло, когда передавал поводья Фэн Мину.

Под тяжестью военной плети сложно было разглядеть даже ничтожный волосок пощады, плётка со свистом рассекала воздух, метко опускаясь на спину и вспарывая до крови кожу. Этот Цзюнь Сяо был крайне упрямым: стиснув зубы, не издал и звука.

От десяти ударов на спине уже было кровавое месиво, однако осуждённый по-прежнему стоял на коленях, не склонив спины, а у Фэн Мина от подобного зрелища душа ушла в пятки, сам же князь еле держался на ногах.

Свист! И снова хлёткий удар. Жемчужины крови брызнули, падая на белый снег, где выделялись особо ярко.

Свист! И снова хлёткий удар. Фэн Мин почувствовал, как нечто почти невесомое упало на руку, князь опустил голову и увидел, как капля ярко-алой крови смочила кожу.

Сердце бешено застучало в груди, и юноша, не сдержавшись, выкрикнул:

— Стойте! — останавливая солдата, что махал плетью, и повернувшись к Цзюнь Тин, проговорил: — В семье Цзюнь Вам ещё не говорили о правах человека?

На что Цзюнь Тин с изумлением спросила:

— Что значит «права человека»?

Фэн Мин запнулся: в этой нецивилизованной эпохе, где молодую девушку могут отдать, словно предмет для жертвоприношения, а её семья воспринимает это за несравненный почёт, говорить о современных правах человека — всё равно, что обсуждать со свиной головой человеческую ДНК, — абсурдно.

Вот только стрела уже на тетиве, и не выстрелить невозможно[3]: если не о правах человека, то, во всяком случае, что-то всё равно необходимо сказать.

Князь долгое время таращился, обдумывая, после чего, обнажив ни на что не похожую улыбку, проговорил:

— Главный помощник полководца, не поймите неправильно, я не собираюсь ходатайствовать за виновного, просто созрел вопрос: ясно, что лишь один человек подложил камень, наказывайте Цзюнь Сяо, этого вполне будет достаточно. Но зачем же наказывать остальных?

— Князь Мин верит, что другие не осведомлены? — добавила с холодной усмешкой Цзюнь Тин.
— Знающий человек является соучастником, согласно воинской дисциплине не важно, приложили они руку или нет, стоит только им узнать о преступлении и не доложить об этом начальству, тотчас же обязаны разделить наказание вместе с виновным.

На что Фэн Мин с изумлением спросил:

— Вы в каждом слове говорите о воинской дисциплине, в конце концов, кто устанавливает эту воинскую дисциплину? Чуть что, сразу наказываете за это, наказываете за то. Есть ли какие-то конкретные условия и сколько пунктов, чётко ли прописаны конкретные обстоятельства, понимаете? — «В свободное время обязательно нужно взять и хорошенько всё изучить, чтобы неосознанно не нарушить какое-нибудь правило».

Цзюнь Тин с интересом посмотрела на князя:

— Воинская дисциплина, конечно же, дисциплина тринадцатой армии, какие нужны условия? Я являюсь тринадцатым военным помощником, и стоит мне посчитать, что необходимо применить наказание, тотчас же могу наказать. Какая армия не такова?

— Хотите сказать... что нет конкретного предписания? — широко открыл рот Фэн Мин.

— Как такое возможно? — Цзюнь Тин, само собой разумеется, задала встречный вопрос.

Действительно, эта дикая эпоха...

Солдат, держащий плеть, вышел вперёд и спросил:

— Старший помощник полководца, нужно ли продолжать наказание?

— Не спешите! — Фэн Мин совершенно не собирался просить пощады от имени всех телохранителей, в основном он заботился о собственной чистоте глаз и мягкосердечности, после долгого раздумья князь внезапно придумал одно решение: — Тринадцатый помощник, использовать плеть в качестве наказания — бессмысленно. Наказание тоже своего рода обучение, необходимо уделить немного внимания стратегии. Как насчёт того, чтобы преобразовать нашу систему, и начать с них? — И князь указал на коленопреклонённых мужчин.

Цзюнь Тин обнажила лёгкое недоумение, её отец сказал позволить Фэн Мину практиковать свою так называемую особую систему обучения, и, конечно, неудобно было ему отказывать, к тому же ей и самой интересно взглянуть, какие козыри есть у князя. В этот момент, сохраняя спокойствие, девушка обратилась к охранникам:

— Осмелитесь принять наказание князя Мина?

— Помощник полководца повелит, подчинённые, безусловно, повинуются, — сказали солдаты в один голос.

Цзюнь Тин с холодной усмешкой проговорила:

— Раз уж согласились, необходимо тщательно следовать приказу, без каких-либо других мыслей. Если будете заниматься чем-нибудь другим, берегитесь, я доложу отцу, и вы будете изгнаны из тринадцатой армии в караульный отряд. А князя Мина прошу рассказать, какое наказание Вы хотите использовать. — И взор упал на юношу.

Дважды покашляв, Фэн Мин подошёл и, встав перед солдатами, взглянул на их алые спины, которые обдувал поток северного ветра, хоть каждый из этих солдат и выглядел словно железный стебель, однако они уже начинали дрожать от холода. Сам князь неторопливо начал рассказывать о своём методе:

— Сначала оденьтесь и встаньте с колен.

Для солдат было полной неожиданностью услышать тёплый тон князя; подняв взгляд, мужчины уставились на юношу, затем на Цзюнь Тин, после чего опустили головы, так и не двинувшись с места.

— Вы оглохли? Повинуйтесь приказу князя Мина. К тому же исполняйте приказ без колебаний,
— приказала Цзюнь Тин.

Несколько телохранителей поглядели на Цзюнь Тин и, словно завидевшие кошку мыши, послушались и покорно надели верхнюю одежду.

Фэн Мин проговорил:

— То, что камень был подложен Цзюнь Сяо, это, вероятно, не ошибка, однако кто подкинул ему эту идею? Покажите этого человека. — Князь окинул взглядом каждого телохранителя.

Несколько солдат происходили из семьи военных и росли вместе, словно близкие братья, они в корне отличаясь от простых бойцов. Как они могли, услышав слова князя, тотчас же выдать своего брата, поэтому все, как один, выпятили грудь под взглядом Фэн Мина.

— Подложил камень я и идея была моя, — заговорил Цзюнь Сяо.

Смерив его взглядом, юноша с лёгкой улыбкой ответил:

— Да? — В глубине глаз проскользнула блёклая ухмылка, взгляд легонько коснулся Цзюнь Тин, и вслед за этим юноша обернулся и сказал во всеуслышание: — Как говорилось в древности: «всех не переловишь», однако потворство только и может, что породить коррупцию. Я не хочу наказывать всех, но не могу не наказать одного. А потому я могу согласиться наказать строго того, на кого укажете вы.

Цзюнь Тин проговорила:

— Князю Мину не следует выбирать, всю ответственность я возьму на себя.

— Цзюнь Сяо уже ранен, князь Мин сказал выдать подстрекателя — это я, — поднялся другой телохранитель.

— Цзюнь Чэн, уйди, какое к тебе это имеет отношение?

Этому юному солдату по имени Цзюнь Чэн тоже было почти двадцать лет, сам же молодой человек, округлив глаза, словно бронзовые колокольчики, обрушился гневом на Цзюнь Сяо:

— Как можешь всё ещё потворствовать, недостаточно получил плёткой?

— Это я.

— Неправда, это я!

Несколько человек один за одним вышли вперёд, желая взять вину на себя.

Цзюнь Тин хмуро проговорила:

— Отойдите, позвольте князю Мину решать! Прошу князя Мина, уже решили, какое выбрать наказание? — И девушка взглянула на князя.

— Конечно, выбрал один интересный способ, — вскользь добавил Фэн Мин. — Слышал, что каждый в воинской семье преуспел в боевых искусствах, бесстрашно убивает противника и в десять раз упрямей рядового солдата. Я хочу, чтобы каждый из вас выбрал себе в противники обычного рядового солдата.

— Противника? Хотите, чтобы мы с простыми бойцами дрались? — с пренебрежением спросил телохранитель.

— Неверно, — легко улыбнулся Фэн Мин, — это обучение один на один.

— Обучение? — изумились все.

Цзюнь Тин задумчиво смерила князя взглядом.

— Я дам вам десять дней, каждому из вас необходимо будет старательно передать свои навыки выбранным вами рядовым солдатам. В течение этих десяти дней они будут вашими учениками. По прошествии десяти дней ваши ученики, представляя вас, своих учителей, начнут поединок друг с другом. Один на один. Состязание будет придерживаться системы с выбыванием: учитель, чей ученик победит, станет моей целью для наказания, — и Фэн Мин с лукавством засмеялся. — У вас такие хорошие отношения, и наверняка вы не хотите, чтобы ваш друг подвергся наказанию, поэтому, если хотите взять всю вину на себя, тогда хорошенько обучите своих учеников [4].

Договорив и подойдя к уже усмирённому коню, Фэн Мин погладил спину животного, взобрался в седло, после чего обернулся и, обращаясь к Цзюнь Тин, сказал:

— Тринадцатый помощник полководца, через десять дней Ваша армия увеличится на десять

отборных солдат, разве не замечательно? На самом деле тренировать рядовых солдат — это двойная стратегия, а опираться на одну лишь плеть — бессмысленно. С завтрашнего дня я не приду сюда, я хочу остаться во дворце и тщательно распланировать законы военной дисциплины для тринадцатой армии. После десяти дней я своевременно приеду проверять результаты их обучения, кроме того, позволю Вам посмотреть на весь мой план. Я ухажу, незачем провожать меня, до свидания. — Сжав ногами живот коня, юноша последовал тем же путём, возвращаясь во дворец.

Цзюнь Тин не препятствовала, лишь многозначительно посмотрела вслед, и несколько рослых солдат, которые утром приезжали за Фэн Мином, тотчас же, поторопив лошадей, догнали князя, окружая его со всех сторон, а тот солдат, что следовал впереди, проговорил:

— У нас приказ тринадцатого помощника полководца: сопроводить князя Мина до дворца.

Фэн Мин понял, что является человеком, у которого отобрали свободу, и, не обращая на них внимания, вместе со множеством солдат, полный величия, вернулся во дворец.

Кто бы мог подумать, что Лу Дань как раз будет ждать князя во дворце, и, увидев, что юноша спешно входит в ворота, советник поднялся на ноги, со смехом говоря:

— Лу Дань вновь угадал: князь Мин не попался в ловушку котёнка семьи Цзюнь.

Сегодня мужчина был облачён в чёрный, обшитый золотом, атласный наряд, превосходный мех обхватывал рукава, а сам советник, вероятно, сидел возле огня, греясь, потому что на лице виднелся чарующий румянец, более того, тонкие черты лица по-прежнему очаровывали настолько, что невозможно было отвести глаз.

Фэн Мин сейчас испытывал смешанные чувства и в то же время несказанное дружелюбие к этому расчётливому и спокойному советнику, которому, лишь завидев, крикнул:

— Подождите меня немного. — Пройдя вглубь комнаты и сняв военную форму, юноша позволил служанкам облачить себя в мягкие и приятные дворцовые одежды, и, только потом, довольно вздохнув с облегчением, вышел в гостиную. В одно мгновение сев возле печи, князь вытянул руки над огнём и, наслаждаясь его теплотой, начал сетовать: — Чему господин советник радуется, ведь я для военных являюсь врагом, в первый день кто-то подложил камень мне под седло. — Юноша с осторожностью рассказал о сегодняшнем происшествии.

Лу Дань с изумлением спросил:

— Цзюнь Тин так просто позволила Вам уйти? Она является единственной дочерью Цзюнь Линсы и, возможно, его будущая наследница. Цзюнь Цин с её малых лет был очень строг с ней, взяв военные законы, использовал их, как домашние устои, поэтому, хоть Цзюнь Тин девушка, однако её управление войсками жестоко, бесчеловечно и ввергает любого в страх.

Более того, Лу Дань, глубокомысленно смерив взглядом Фэн Мина, внезапно обнажил шелковинку равнодушной улыбки:

— Вот только князь Мин воспользовался этой несчастной случайностью и не только не наказал обидчика, сводя счёты, наоборот, всеми силами добился, чтобы тринадцатая армия улучшила навыки рядовых солдат, что крайне дальновидно. И хоть это пустяк, однако можно увидеть основной подход князя Мина к обучению войск. Если Цзюнь Тин из-за подобного поступка проявит симпатию к князю Мину, то нам это будет очень полезно. Темперамент этой женщины строптив, а кругозор широк, и к тому же её непросто соблазнить.

От его странной улыбки душу охватила тревога, а тело затрепетало, сам же Фэн Мин в испуге произнёс:

— Не хочет ли господин советник спровоцировать меня, чтобы я использовал тактику соблазнения [5]? Чтобы дочь Цзюнь Цина, как и сам Цзюнь Цин, пошла на компромисс, по моему уместнее господину советнику взять дело под свой контроль, ведь кто на земле красивее господина советника?

Только юноша без раздумья это сказал, однако кто бы мог подумать, что реакция Лу Даня внезапно окажется столь поразительной.

Сам же господин советник, горько усмехнувшись, ответил:

— Князь Мин считает, что я не пробовал прибегнуть к этому? Если бы мог заполучить поддержку Цзюнь Цина, с чего бы ради я боролся с цзиши на протяжении долгих лет? Цзюнь Тин даже уголком глаза на меня не взглянула. Считает ли князь Мин, что я немного потерял лицо?

На что Фэн Мин широко раскрыл рот:

— Тогда император Дунфань...

— Государь никогда не возражал. — И Лу Дань тихо добавил: — Стоит только мне решить, государь никогда не станет возражать.

В голове князя мелькнуло: «Что, совсем не возражал?»

Это их, молодых супругов, дело, и ему, князю, как постороннему, нехорошо вмешиваться. Фэн Мин, почесав затылок, с деланным смехом ответил:

— Каким бы методом борьбы с Цзюнь лин-сы господин советник ни хотел воспользоваться, мне нет до этого дела, я лишь скажу Вам: тактику соблазнения я ни за что не использую.

— Князю Мину не нужно паниковать, разве кто-то сказал, что Лу Дань может вынудить князя Мина так действовать?

Во время беседы двух мужчин униженная жемчугом занавеска слегка закачалась, после чего приподнялась, впуская служанку, которая, войдя, тотчас же доложила:

— Стража, которую прислал Цзюнь лин-сы, прибыла и сказала, что есть срочное дело, и просит князя Мина отправиться в зал заседания, чтобы обсудить его.

Фэн Мин, изменившись в лице, проговорил:

— Только что отделался от дочери, а тут и отец в довершение всего пожаловал. Не повезло, по моему, они планируют использовать тактику «боевого истощения»[6], каждый день командуя мной, словно ослом, крутящим жернова: в ветер идти, в снег уходить, и даже требуют носить эту утомительную и неудобную военную форму. Боюсь, что не пройдёт и трёх месяцев, как я тотчас же протяну ноги.

Лу Дань с насмешкой сказал:

— Князь Мин действительно говорит с юмором. Раз уж Цзюнь лин-сы лично направил людей, едва ли это какой-то пустяк, всё же скорее отправляйтесь. Как и воинская дисциплина Дунфань, военное заседание крайне важно. Если после тридцати ударов в барабан всё ещё не явитесь, не посмотрят, кто Вы, и накажут батогами.

Фэн Мин, выпучив глаза, резко подскочил:

— Почему ваши дунфаньские войска когда захотят, тогда и наказывают, чуть что, сразу злоупотребляют расправой. Не пойдёт, мне лучше поскорее отправиться на заседание. — Жалуясь, князь направился во внутренние покои, где спешно переоделся в военную форму и последовал за телохранителем в зал заседания.

Высунув язык и мчась в зал заседания, юноша действительно услышал, как стоящий снаружи стражник бьёт в барабан, к счастью, он бил в него с большим интервалом, и когда Фэн Мин наконец-то достиг ворот зала, то насчитал двадцать девять ударов.

Когда юноша вошёл в зал, то увидел, что все генералы уже прибыли в полном составе, лишь он оказался последним, собирая на себе пренебрежительные взгляды, от которых сложно было скрыться. В этом плане лицо князя оказалось необычайно сдержанным, к тому же осознавая, что явился без опоздания и не совершив ни единого проступка, Фэн Мин вошёл и, кивнув Цзюнь Цину, важно сел на прежнее видное место.

— Очень спешил. — Атмосфера была напряжённой, и Фэн Мину оставалось лишь постараться оживить её, поэтому юноша слегка поприветствовал генералов, сидящих с левой и правой

стороны, и, подмигнув стоящей сзади отца Цзюнь Тин, князь спросил: — Что случилось, раз потребовалось устроить срочное военное совещание?

Излагать, как обстоит дело, конечно же, Цзюнь лин-сы лично не стал. Покашляв, мужчина с кивком обратился к Цан Яню. Последний же, в свою очередь, поднялся с места и, понизив тон, начал:

— Полчаса назад войска у городских ворот обнаружили пытавшегося пробраться в казармы шпиона. Этот человек прятал несколько зашифрованных писем из императорского дворца Бэйци, из некоторых слов стало ясно, что шпион Бэйци, пробравшись в нашу страну, прячется в наших войсках. Это дело особой важности, поэтому Цзюнь лин-сы приказал тотчас же созвать военный совет.

— Допросили шпиона, получили какие-нибудь сведения? — спросил какой-то генерал.

Цан Янь покачал головой:

— Тот шпион, увидев, что его хотят схватить, тотчас же проглотил яд, кончая жизнь самоубийством. — Войсками, что находились у городских ворот, командовал он, и после случившегося, конечно же, генерал выглядел скверно.

Цзюнь Тин всё-таки являлась девушкой и, подумав крайне тщательно, спросила:

— Генерал Цян только что сказал, что в зашифрованных письмах были некоторые слова, что имелось в виду? В чём причина прибытия шпиона, может, нашлись остальные зацепки?

— Есть одна зацепка и не зацепка.

Цзюнь Тин с изумлением спросила:

— Что значит «зацепка и не зацепка»?

Цан Янь ответил:

— Зашифрованные письма шпиона уже как-то просочились к человеку, который находится в войсках Дунфань, однако его имя, в каких именно войсках прячется, какое у него служебное положение и как он связывается с другими, неизвестно. Эти небольшие зацепки и зацепками-то назвать сложно. Вот только шпион перед смертью всеми силами хотел разорвать другое письмо, что было при нём, к счастью, мы своевременно остановили и выхватили его из рук.

Другой генерал по имени Янь Пинь, изменившись в лице, проговорил:

— Та часть письма, наверно, довольно важная. Неизвестно, что там написано?

— Конечно там много чего написано. — И Цян Янь с горькой улыбкой добавил: — Однако мы ничего не смогли понять.

Все были поражены.

Цзюнь лин-сы спокойно сказал:

— Согласно моим предположениям, это, вероятно, некие старые письма, возможно, Бэйци в последнее время используют пароли, поэтому я созвал всех, чтобы узнать: может, кто-то попытается и, увидев послание, поймёт и прочтёт, что там написано. Я уже приказал, чтобы сделали несколько копий этого письма. Каждый из вас возьмите её и внимательно посмотрите.

Стоящий сзади телохранитель Цян Яня взял обеими руками недавно сделанные копии письма и раздал каждому из присутствующих. Взяв шёлк в руки, все посмотрели и, увидев причудливые чёрточки, которые и письмом назвать нельзя, сильно нахмурились.

Как только Фэн Мин получил свою копию и развернул её, то тотчас же вздрогнул всем телом, к счастью, внимание множества генералов было приковано к письмам, что находились в руках каждого из них, и люди совершенно не заметили его реакции. Князь поспешно убрал испуганное выражение лица и, сдерживая в глубине души волнение, опустил голову и посмотрел на письмо.

Чёрточка, чёрточка, точка, точка, точка, точка, чёрточка, чёрточка и несколько чёрточек.

На первый взгляд странные штрихи заполняли собой весь отрезок белого шёлка. Вещью, которую не могли понять все генералы Дунфань, включая Цзюнь Цина, являлся базовый шифр азбуки Морзе, который в глазах любого современного человека так или иначе был понятен.

Самый примитивный, самый простой базовый шифр.

Во всём мире лишь он, князь, мог обучить Жун Тяня этому шифру, который являлся маленьким секретом между двумя возлюбленными, обычно они им пользовались лишь для передачи нескольких слащавых слов.

«Жун Тянь, это Жун Тянь прислал!» — Руки князя незаметно задрожали, а сам юноша крепко закусил нижнюю губу, почти намереваясь резко подпрыгнуть и закричать.

«Этот подлец, кто бы мог подумать, осмелился открыто отправить короткое сообщение в императорский дворец Дунфань. Вот только это действительно было самым лёгким способом, достойным похвалы».

Они с Жун Тянем пользовались крайне лёгким шифром: с помощью обыкновенных точек и чёрточек записывались двадцать шесть английских букв, которые потом преобразовывались в ханьюй пиньинь [7], и тогда можно было понять общий смысл послания.

Конечно, если Фэн Мин в совершенстве владел бы английским языком, тогда мог связаться прямо на английском, не прибегая к такому сложному способу.

Князь, скрывая ликование, внешне нахмурил брови и, спешно обдумывая в голове, с высокой, как никогда раньше, оперативностью начал менять точки-тире на буквы, а затем прочёл.

Слова одно за другим зажжужжали в голове.

Шифр из тире и точек, что был написан на белом шёлке, изменился, преобразовываясь лишь в несколько слов: «Я рядом с тобой, дождись меня».

Я рядом с тобой, дождись меня.

Я рядом с тобой, дождись меня.

Я рядом с тобой, дождись меня...

Это, наверное, самое трогательное письмо, что Фэн Мин видел за всю жизнь.

Сердце словно кто-то сжал, а потом радостно отпустил, сам же князь, прочитав два слова «дождись меня», почувствовал, как порыв печали обдал лоб, и едва не разрыдался во весь голос. Князь, словно сам не свой, крепко сжал письмо, как вдруг до слуха донёлся голос Цзюнь Тин:

— Князь Мин выглядит взволнованно, неужели нашёл какую-то зацепку?

Фэн Мин сразу поднял голову и, заметив на себе внимание всех генералов, и в том числе Цзюнь Тин, закричал в душе: «Плохо дело!» Понимая, что эта новость от Жун Тяня, юноша внезапно почувствовал себя счастливым, его мозг тотчас же ожил, работая аж с десятикратной скоростью. Ну как тут не посмотреть на Цзюнь Тин?! И князь, слегка улыбаясь, задал встречный вопрос:

— У тринадцатого помощника полководца появилось свободное время, раз он наблюдает за мной. Закончили изучать письмо, разглядели зацепку?

Цзюнь Тин слегка фыркнула и отвела взгляд, ясно было, что девушка ничего не поняла, а вопрос Фэн Мина подверг её унижению.

Однако Цзюнь лин-сы, являясь не таким уязвимым, как Цзюнь Тин, внимательно посмотрел на юношу, едва прищулив острые глаза:

— Глаза князя Мина покраснели, а руки дрожат, князь не похож на того, кто не знает содержимое письма. Уж не думает князь Мин что-то скрыть от нас?

Узнав о своём взбудораженном виде, юноша в душе испугался. Подняв голову и посмотрев по сторонам, князь заметил, что все ждут его разумного объяснения, конечно же, он не мог рассказать про письмо Жун Тяня, и его большой мозг вновь начал быстро соображать.

— Ах, острота взгляда Цзюнь лин-сы действительно потрясает, — одной фразой похвалив Цзюнь Цина, Фэн Мин вновь продемонстрировал свои врождённые способности: встав посреди зала и специально проявляя нерешительность, спустя долгое время юноша заговорил, скрепя сердце: — Изначально я не предполагал рассказывать, но если это действительно касается военной тайны Дунфань, отблагодарит ли государь за мою великую милость, если я расскажу правду? Действительно, такой язык я уже встречал несколько лет назад.

Услышав эти слова, все генералы удивились.

А Цян Янь спешно спросил:

— Тогда что же написано в письме?

На что Фэн Мин пожал плечами:

— Я хоть и встречал, однако тоже не знаю, как расшифровать подобные старые письма. Учитель некогда рассказывал, что такой язык использовался духами, чтобы непосредственно общаться с людьми, обычно письма появлялись на вершинах гор или на отвесных скалах и сообщали некоторые значительные эпохальные изменения либо межгосударственные тайны.

Кажется, юноша уже перенял вредные привычки Жун Тяня, неся несусветную чушь, и чем больше он это делал, тем легче она произносилась, превращая его из искреннего и хорошего молодого человека в коварного князя Силэй.

— Духами, чтобы непосредственно общаться с людьми?

— Сообщали тайны?

Дунфань являлось глубоко верующим в духов государством, где все служили духам, это словно мишень, в которую на сто выстрелов приходилось сто попаданий [8], тем более, князь некогда совершил изумительный поступок, за ночь превратив великое святое озеро в чёрное, потому такое абсурдное объяснение Фэн Мин озвучил спокойно. Все генералы обменялись растерянными взглядами и, похоже, частично поверили в сказанное.

Цзюнь Цин, нахмутив брови, проговорил:

— Допустим, это язык духов, тогда обычный человек должен его понимать. Иначе зачем духам тайно передавать сообщения людям?

На этот вопрос князь уже заранее обдумал ответ и, кивнув, сказал:

— Верно, на самом деле есть человек разбирающийся в этих письменах.

— Кто?

— Мой учитель, Сунь-цзы. — Фэн Мин расслабился, увидев изумлённые лица, как у Цзюнь лин-сы, так и у остальных генералов; юноша чуть не надорвал живот от смеха и с серьёзным видом добавил: — Что касается способностей учителя и его происхождения, если Цзюнь лин-сы сомневается в моих словах и считает, что я лгу, то может спросить у господина советника.

Если раньше удалось ввести в заблуждение Лу Даня, то неужто не сделать тоже самое с Цзюнь лин-сы? После военного заседания каждый отправился к себе, думая о своих проблемах. Цян Янь расстроился из-за того, что не смог разобрать содержимого письма, и спросил у князя:

— Можно ли попросить учителя князя Мина приехать в Дунфань? Невесть отчего я почувствовал, что в этом письме скрыта огромная тайна, касающаяся будущего Дунфань, не исключена возможность, что именно по этой причине Бэйци подсылает своих людей, чтобы передать письмо шпиону, находящемуся в Дунфань.

От смеха у князя аж заболел живот, уголки губ подрагивали, а сам юноша ответил:

— Местонахождение моего учителя я уже сообщил господину советнику, который всеми силами упрощает почтенного учителя спуститься с гор. Вот только учитель отшельник, ему нравится скитаться повсюду, едва ли его так легко найти, — хихикая, князь вернулся в свои внутренние покои, где некоторое время смеялся во всё горло, сидя у огня. Наконец, при воспоминании о сообщении Жун Тяня, смахнул рукой несколько слезинок и боясь, что следящие служанки, заметив нечто странное, тотчас же доложат Лу Даню, Фэн Мин сразу же сдержал волнение и обратился к девушкам: — Сегодня рано утром меня разбудили криком люди Цзюнь Тин, не дав выспаться. Позвольте мне сначала помыться и немного вздремнуть, потом встану поужинать.

После мытья юноша махнул рукой, отпуская служанок, а сам, взобравшись на кровать, забрался под ватное одеяло и вскоре, вспомнив о Жун Тяне, пустил несколько слёз. Поначалу князь беспокоился, что его возлюбленный попал в беду, однако сейчас он знал: этот человек цел и невредим, но, подумав, что мужчина бессердечен, позволив ему, князю, напрасно волноваться, юноша вновь заскрежетал зубами и задумался о том, как отомстить, когда встретится с императором Силэй.

На самом же деле душа была охвачена радостью, настолько, что невозможно было выразить словами. Таким образом, юноша прокручивал ответ снова и снова, наконец красные глаза закрылись, и Фэн Мин заснул крепким сном. К вечеру служанка, подойдя к кровати, встала на колени и проговорила:

— Князь Мин, ужин уже готов.

Юноша так крепко спал, что не хотелось вставать, даже ужинать не хотелось, продолжая во сне оставаться с Жун Тянем. Однако кто бы мог подумать, что с наступлением рассвета, как только пропоёт петух, служанки неожиданно вновь войдут в комнату, тревожа сон юноши. На это Фэн Мин со злостью проговорил:

— Разве мы с Цзюнь Тин не договорились, что в течение десяти дней я не пойду смотреть, кто как тренируется? Скажите её людям, которых она прислала, что я хочу сосредоточиться на написании методик обучения войск, ввести реформирование военной системы, это право дал мне её отец, если она не согласна, то пусть отправляется искать своего отца или найдёт господина советника, который тоже вполне сгодится!

— Князь Мин, пришедший человек вовсе не от тринадцатого помощника полководца.

Другая служанка нежным голосом ответила:

— Господин советник сказал, что есть очень важное дело, и просит князя Мина направится прямо в боковой зал императорского дворца.

— Господин советник? У него есть какое-то важное дело?

— Господин советник сказал, что он уже пригласил учителя князя Мина приехать во дворец Дунфань.

Князь резко уселся в кровати:

— Повтори ещё раз?

— Ваш учитель Сунь-цзы сейчас в боковом зале.

Юноша был ошеломлен. Ошибка, нет ли, как удалось пригласить Сунь-цзы сюда? Снова в холодное раннее утро выбравшись из-под тёплого одеяла, Фэн Мин на этот раз охотно отправился на встречу, так как ему было крайне интересно посмотреть, что за тип осмелился выдать себя за Сунь-цзы. Хоть люди этой эпохи едва ли знали о потрясающем Сунь-цзы, вот только всё равно было крайне рискованно называться учителем князя Мина, и если обнаружится правда, то не сносить ему головы.

Возможно ли, этим человеком являлся Жун Тянь? Невозможно, Лу Дань встречался с Жун Тянем, господин советник мастер перевоплощения, пусть даже Жун Тянь мастер прикидываться, всё же не сможет перехитрить Лу Даня. Если так подумать, то это не может быть ни Ле-эр, ни Жун Ху, ни кто-либо ещё, так как в Силэй Лу Дань встречался со всеми важными и неважными людьми, и невозможно обмануть глаз господина советника. Где, в конце концов, Лу Даню удалось найти этого самозваного Сунь-цзы? Неужели... это враг Лу Даня тайком узнал про местонахождение учителя, что дал господину советнику Фэн Мин, а потом послал своего человека, который под видом Сунь-цзы пробрался во дворец и теперь намерен изыскать некую от этого выгоду? Какая наглость, поскольку Фэн Мин сразу разоблачит их.

Вот только если этот самозванец действительно враг Лу Даня, всё-таки разоблачить его или не стоит? Фэн Мин сейчас с советником не противники, но и не друзья, сплошная головная боль. Испытывая душевное волнение, юноша прошёл к боковому залу, встречаясь с сияющим от счастья Лу Данем.

— Князь Мин позволил мне заждать. Это действительно огромная хорошая новость: мои люди отправились на указанную Вами гору и, побродив там долгое время, всё же нашли следы Вашего учителя, когда они уже думали возвратиться ни с чем, неожиданно повстречали его. Ваш учитель поначалу не хотел приезжать, но услышав, что Вы находитесь в императорском дворце Дунфань, разволновался и согласился приехать. — С редким ликованием Лу Дань вместе с Фэн Мином спешно вошли в зал.

Фэн Мин с недоверием проговорил:

— Как господин советник признал, что это мой учитель?

— Князь Мин, успокойтесь, неужели такого человека, как я, легко одурачить? — сказал на ходу Лу Дань и добавил: — Я только что советовался с Вашим учителем насчёт «Искусства войны», недаром Ваш учитель выдающийся и неординарный человек, он неожиданно разъяснил, причём, в отличие от князя Мина, ещё яснее и глубже.

Фэн Мин удивился.

— Ваш учитель в комнате.

Лу Дань поднял занавеску и, войдя в комнату, со смехом сказал:

— Позволили учителю Суню заждать, Ваш ученик Фэн Мин уже прибыл. — Князь лишь шагнул в дверь, как взгляд упал на человека, что ждал его — вскрикнув, словно по голове ударили палкой, Фэн Мин застыл от удивления.

Находившийся в комнате человек был изящен и высок, и хоть его тело скрывала холщовая одежда, однако она не могла прикрыть восхитительный и благородный характер, с тёплой

улыбкой гость посетовал, глядя на Фэн Мина:

— Фэн Мин, мой ученик, как давно ты не поднимался в горы, чтобы навестить учителя? Если бы я специально не пришёл найти тебя, боюсь, ты лет десять бы не вспоминал о своём учителе. — Простояв долгое время в оцепенении, словно в растерянности, князь ошеломленно подошёл к «учителю» как будто действительно скитавшийся долгое время ученик, который только сейчас встретился со своим учителем, глаза покраснели, а сам юноша, упав на колени, проговорил, громко плача:

— Учитель... Учитель, Ваш ученик непочтительный, Вы, почтеннейший, неожиданно ради меня пришли в императорский дворец! Учитель! — начал рыдать князь.

Даже Лу Дань невольно растрогался от встречи ученика с учителем. Этот самозванный «Сунь-цзы» на удивление оказался величественной и единственной в императорском дворце Силэй, с кем Лу Дань не встречался воочию и даже не видел её портрет, вдовствующей императрицей. Считалось, что женщина ни на волос не влияла на политическое положение Силэй и на неё можно было не обращать внимания. Догадывался ли Лу Дань, что до сих пор скрывавшаяся от всего мира в стенах императорского дворца Силэй, а сейчас державшаяся, должно быть, под контролем Тун-эра вдовствующая императрица неожиданно появится в высоких горах, представ перед людьми, что отправились на поиски «Сунь-цзы»?

Мать императора Силэй, полностью сменив своё повседневное одеяние на холщовую одежду, сейчас в Дунфань по-прежнему держалась необычайно благородно. Нагнувшись, женщина легонько поглаживала Фэн Мина по голове, ласково говоря:

— Хороший мой ученик, господин советник уже чуть-чуть рассказал твоему учителю про твоё дело. Не бойся, Цзюнь лин-сы хоть и командует армией, однако у него нет возможности тебя одолеть. — Она пережила две силэйские династии, постоянно выживая в несравненно сложной политической борьбе, защитила единственного сына, чтобы поднять его на престол императора Силэй, а в её прозвучавших словах не чувствовалось совершенно никакого хвастовства.

Лу Дань со вздохом произнёс:

— Никак не думал, что учитель князя Мина, оказывается, женщина, что действительно заставило этого господина советника сильно удивиться.

Фэн Мин с почтением помог матери-императрице дойти до стула и сесть, а сам покорно, соблюдая этикет ученика, встал позади женщины и сказал со смехом:

— В этом случае господин советник не прав: пренебрегая женщиной, можно легко поплатиться. — Может быть, скрывающаяся в стенах императорского дворца Силэй никому не известная женщина на самом деле являлась самой могущественной.

Примечания:

[1] Сезон цветения — обр. отрочество (16-17 лет).

[2] Обр. о подчинении вышестоящим; о непреодолимых обстоятельствах, вынуждающих покориться.

[3] Обр.: приготовиться к действию.

[4] Фэн Мин хочет, чтобы не было победителей и проигравших, чтобы новички были равны, как с «учителями», так и между собой.

[5] В оригинале 美男 (мэнь нань цзи) переводится как «тактика красивого мужчины», которая также известна как 31 стратагема «красавица», сама же фраза берет своё начало из «Утраченной Книги Чжоу» (иначе «Чжоу шу», была известна в эпоху Хань в объеме 61 главы), где есть такая фраза: «[Когда] красавец сокрушает старейшину [государя], красавица сокрушает увещателя [государя], [это] есть подрыв мощи», которая отсылает к книге «Планы сражающихся царств. Замысел Цинь».

[6] В оригинале фраза звучит как «тактика утомления/изнурения», это отсылка к 4-ой стратагеме, которая учит: «Сильного врага следует ослаблять усталостью».

[7] Система записи китайских звуков латинскими буквами.

[8] Обр. в знач.: всегда попадать в самую точку; быть в полной уверенности; действовать наверняка, точно, правильно.

<http://bllate.org/book/13377/1190150>